

А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН

**АКУШЕРСТВО И ЕГО ПРЕПОДАВАНИЕ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XVIII ВЕКЕ**

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

Акушерство является, пожалуй, единственной медицинской дисциплиной, в истории которой самое большое значение имели события, происшедшие в XVIII веке. Возникновение и развитие "учения о тазе" (Г. ван Девентер, Жан Луи Бодделок, Л. Гейстер), изобретение¹ и усовершенствование акушерских щипцов (Дж. Пальфин, А. Левре, Д. Грегуар, В. Смелли), разработка "учения о естественных родах" (Т. Денман, Н. Пюзо), окончательное введение в акушерскую практику кесарева сечения — вот далеко не полный перечень основных, по существу революционных, открытий XVIII века, обеспечивших бурное развитие акушерства и как научной дисциплины, и как сферы практической деятельности [5, 6, 8, 12]. В этом плане ничуть не меньшую роль сыграли также организация первых специальных акушерских учебных заведений и начало подготовки специалистов.

Вплоть до XVIII века помощь при родах оказывали главным образом повивальные бабки или, как их еще называли, "повивальные бабушки". Кроме родильного дома, открытого в XVII веке при Hotel-Dieu в Париже, каких-либо учебных заведений для их подготовки не существовало. Эти чаще всего пожилые женщины без какого-нибудь даже начального образования приобретали и совершенствовали свои навыки в порядке ремесленного обучения у коллег по "цеху", в процессе собственной повивальной практики или в лучшем случае под руководством городского врача. Большая часть повивальных бабок находилась на полулегальном положении, поскольку уже с XV века в большинстве стран Европы для этой деятельности требовалось получить разрешение в органах территориального управления, а экзамен на право практики удавалось сдать лишь единицам [5].

Мужчины, будь то врачи или хирурги, допускались к роженицам только в самых крайних случаях, когда все возможные меры помощи со стороны повивальной бабки были уже исчерпаны и стоял вопрос о жизни и смерти матери [11]. Лежавшее в основе такого положения дел представление о недопустимости присутствия мужчины при родах имело и другие следствия.

Основным из них являлось отсутствие учебных заведений для полноценной или хотя бы теоретической подготовки в области акушерства. На первый взгляд может показаться, что эти вопросы никак между собой не связаны. Однако не следует забывать, что в XVII веке женского образования еще не существовало. Женщины не имели права поступить ни в университет, ни в какое-либо другое учебное заведение, а обучать мужчин повивальному делу в рамках университетской подготовки или в немногочисленных специальных хирургических школах при больницах было попросту незачем. Именно в связи с этим акушерство на медицинских факультетах европейских университетов вплоть до первой половины XVIII века как самостоятельная дисциплина не преподавалось, поскольку мужчины не

могли присутствовать при родах, а женщины — учиться в университете. В лучшем случае на медицинском факультете того или иного университета освещались отдельные вопросы из этой области знания в курсе хирургии. Даже если такое преподавание и велось, то, во-первых, оно не было направлено на освоение слушателями, пусть даже чисто теоретическое, всего объема сведений по этой дисциплине, а во-вторых, носило главным образом характер частной инициативы профессора анатомии и хирургии и преследовало цель обеспечить возможность выпускнику медицинского факультета (в случае его назначения в дальнейшем на одну из государственных медицинских должностей) более или менее компетентно принять экзамен у повивальной бабки.

Другим не менее важным следствием установки общества на недопустимость присутствия мужчины при родах, затрагивавшим уже в большей степени акушерство как научную дисциплину, явилось то, что основное внимание немногих врачей или операторов, кто несмотря ни на что все-таки посвятил себя акушерской деятельности, было сконцентрировано на средствах помощи при тех или иных формах патологии беременности и родов [5, 6, 8]. Это привело к тому, что физиологическая беременность и "естественные" роды продолжали оставаться terra incognita. Поскольку в то время какая-либо помощь при осложненных родах могла быть только хирургической, в глазах представителей врачебного сословия акушерство было частью оперативной хирургии, а потому во многом повторило ее судьбу.

Напомним, что в XVII веке единой хирургии в современном ее понимании не существовало. Она была разделена на два достаточно самостоятельных и даже в значительной степени противопоставленных друг другу раздела: практическую, или оперативную, хирургию и общую, или (в соответствии с терминологией того времени) "медицескую". Оперативная хирургия являлась ремеслом, находилась главным образом в руках баншиков и цирюльников и занятие ею считалось недостойным высокого звания "medicis puri", присваивавшегося лицам, окончившим медицинские факультеты университетов. Вследствие этого среди хирургов-операторов было крайне мало лиц, имевших серьезную медицинскую подготовку [19]. Среди акушеров-операторов их было соответственно также немного. Более того, если врач — выпускник медицинского факультета, рискуя потерять уважение коллег-врачей, все-таки посвящал себя практической хирургической деятельности, то он как минимум имел возможность сначала пройти практическую стажировку. Врач-акушер даже этой возможности не имел. Единственный родильный госпиталь при Hotel-Dieu, о котором упоминалось выше, в XVII веке был полностью закрыт для врачей-мужчин [5]. В результате необходимые навыки приобретались уже в ходе практики. Как тут не вспомнить слова Д. Дидро, сказанные им в конце XVIII века, но удивительно точно характеризующие путь становления большинства акушеров XVII столетия: "... молодой врач производит первые свои опыты на нас, и делается впоследствии искусным медиком только после произведенных им нескольких убийств" [20].

По данным В. М. Рихтера, приведенным им в актовой речи "О первоначальном происхождении, постепенном приведении в совершенство и отменной пользе Повивального искусства" (1801), в начале XVIII столетия в европейских странах из каждой тысячи родов 10 заканчивались смертью матери, а о младенческой смертности вообще говорить не приходилось.

В начале XVIII века вопрос материнской и младенческой смертности приобрел государственную важность. Численность и прирост населения стали напрямую связывать с родовспоможением [11, 12]. Заинтересованность государства в создании системы родовспомогательных учреждений и ее обеспечении

¹История изобретения акушерских щипцов, по справедливому выражению автора соответствующей статьи в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, представляет собой "одну из позорнейших страниц" истории медицины. Их появление и широкое внедрение в практику позволили полностью отказаться от прежних смертельных для плода операций, вызывавших ужас у рожениц. Однако фактический изобретатель щипцов (1560) парижанин П. Чемберлен в интересах своей частной практики скрыл свое изобретение. Не обнаруживали семейный секрет ни его сын, ни внук. В конце XVII века внук П. Чемберлена продал этот секрет голландцу Roonhuyzen, после чего одно из величайших изобретений в медицине стало предметом самой грязной торговли и обмана [1, 5].

квалифицированными кадрами и стала основной причиной коренных преобразований в области акушерства в XVIII веке. В этом плане акушерство также во многом повторило исторический путь хирургии, в основе развития которой в XVIII веке лежала заинтересованность государства в подготовке достаточного числа грамотных и умелых хирургов для нужд армии. Однако если для хирургии ведущую роль сыграл пересмотр отношения врачей и университетской профессуры к хирургической практике, что привело к воссоединению оперативной и "медической" хирургий [19], то для акушерства главным стало снятие табу с занятий мужчин повивальным делом.

В конце XVII первой половине XVIII века наибольший вклад в этот процесс внесла Франция. Поворотным событием стало приглашение Людовиком XIV Ж. Клемана принимать роды у королевы Франции [5]. Такое событие не могло не иметь широкого общественного резонанса. Как следствие уже в конце XVII века Ф. Морисо, А. Порталь, Г. де ла Мот, хотя и встречая значительное сопротивление общественной морали, смогли провести первые исследования физиологических родов. В 1725 г. в Страсбурге под руководством проф. Фриде открывается первый в Европе Повивальный институт — повивальная школа с родильным госпиталем [1, 8]. Страсбургский повивальный институт сразу же стал не только учебным центром и базой для проведения научных исследований, но и прообразом большинства акушерских школ в Европе середины XVIII века. Так, по образцу и подобию страсбургского был организован открытый в 1751 г. И. Г. Редерером Повивальный институт в Геттингене [1, 5]. По-видимому, главным идеологом его создания следует считать А. Галлера, получившего неограниченные полномочия в деле организации медицинского образования в Геттингене. А. Галлер, несомненно, интересовался различными вопросами акушерства. Под его руководством была выполнена не одна докторская диссертация по проблемам повивального искусства. В числе его докторантов был и И. Г. Редерер [7]. Другой ученик А. Галлера — И. Меккель в том же 1751 г. возглавил Повивальную школу, открытую в Берлине по инициативе Фридриха II и впоследствии присоединенную к знаменитой берлинской больнице Charité [12]. Во второй половине XVIII века подобные специальные учебные заведения создаются в Дрездене, Касселе, Йене, Марбурге. С 1765 г. акушерские школы появляются и в Англии [1].

Однако вернемся к деятельности И. Г. Редерера в Геттингене. Помимо того, что И. Г. Редерер был преподавателем повивальной школы и врачом родильного госпиталя, он также являлся профессором Геттингенского университета. Именно с его деятельностью связано выделение преподавания акушерства в европейских университетах в самостоятельный профессорский курс. И. Г. Редерер был автором классического учебника "Elementa artis obstetriciae", неоднократно переиздававшегося в Германии, Франции, Италии, Англии и служившего около полувека основой преподавания этой дисциплины как в университетах, так и в медико-хирургических академиях. Нельзя также исключить, что лекции И. Г. Редерера по акушерству в Геттингенском университете сопровождались и практическими занятиями со студентами в родильном госпитале. Во всяком случае намеки на это можно встретить в ряде немецких источников, в которых говорится о создании И. Г. Редерером первой университетской акушерской клиники [5, 22]. Однако скорее всего начало клинического преподавания акушерства и организация специальных университетских клиник произошли несколько позднее — в 60–70-х годах XVIII столетия и связаны с реформами высшего медицинского образования, осуществленных Г. Ван-Свитеном в Австрии.

Вместе с тем, несмотря на столь существенные изменения, приведшие к появлению специалистов-акушеров, развитию акушерства как научной дисциплины и сферы практической деятельности, включению преподавания акушерства как самостоятельной дисциплины в программу подготовки на медицинских факультетах европейских университетов, число врачей-акушеров продолжало значительно уступать потребности в них. Как следствие повивальные бабки по-прежнему играли ведущую роль в складывавшейся системе родовспоможения европейских стран. Правда, пособие при любых формах патологии беременности и родов стало исключительной обязанностью акушеров-мужчин (врачей или хирургов), а повивальным бабкам было разрешено принимать только "натуральные" или "естественные", роды. Это в свою очередь определило формирование двух достаточно обособленных разделов акушерства и двух различных по ориентации и целевым установкам программ обучения. Раздел акушерства, включавший сведения о закономерностях и механизмах нормальной беременности и физиологических родов, о порядке и правилах оказания соответствующей помощи, получил наименование повивального искусства. Все вопросы патологии беременности и "сверхъестественных" родов, а также применяемые в таких

случаях ручные и инструментальные пособия стали предметом повивальной науки, или собственно акушерства [11].

Подготовка повивальных бабок ограничивалась теоретическими сведениями и практическими навыками в области повивального искусства. В программу обучения на медицинских факультетах европейских университетов и в медико-хирургических академиях, открытых во второй половине XVIII века в большинстве стран Европы, входило как повивальное искусство, так и повивальная наука. При этом повивальное искусство рассматривалось как необходимая база для изучения и освоения повивальной науки. Отметим лишь, что медицинские факультеты университетов (за исключением австрийских в конце XVIII века и, возможно, геттингенского во время работы там И. Г. Редерера) обеспечивали только теоретическую подготовку, так как любое практическое усовершенствование относилось в XVIII веке к послеуниверситетскому образованию. Практическую стажировку по акушерству во второй половине XVIII века врач мог пройти в повивальных институтах или под руководством частнопрактиковавшего акушера.

Описанные выше процессы происходили в XVIII веке и в России. Разница заключалась лишь в том, что их начало относилось ко второй половине столетия и к моменту появления в 1754 г. первого официального документа, касавшегося вопросов организации повивального дела в стране, его исходное состояние значительно отличалось от европейского, причем не в лучшую сторону. Приведем лишь один документ, на наш взгляд, исчерпывающе характеризующий плачевное состояние дел в области родовспоможения в России первой половины XVIII века, — Указ Императрицы Анны Иоанновны от 5 мая 1740 г. в связи с предстоящими ей самой родами "в Москву к Доктору Медицины Блюментросту об отыскании бабки, Капитанши Енглебрехт". Уже одного только названия вполне достаточно, чтобы понять, насколько остро стоял этот вопрос, если даже при дворе не было умелой повивальной бабки.

Начало создания в стране системы акушерской помощи и организации подготовки для этой цели кадров связаны с деятельностью П. З. Кондоиди. 21 марта 1754 г. он представил в Сенат "Мнение об учреждении проэкта о бабичьем деле", которое получило одобрение сенаторов и было подтверждено императрицей 5 мая того же года. Суть документа сводилась к введению во всех губернских и столичных городах должности "присяжной повивальной бабки", на которую могли назначаться только женщины, прошедшие "испытание" и получившие право практики от Медицинской канцелярии. Для их подготовки планировалось организовать в Москве и Петербурге две повивальные школы [13].

Однако организованы школы были только спустя 3 года — в 1757 г. Причина задержки при очевидной потребности страны в сколько-нибудь квалифицированных специалистах, способных оказывать акушерскую помощь, точно не известна. Возможно, у П. З. Кондоиди были более неотложные дела. Именно в эти годы он осуществил первую крупномасштабную реформу госпитальных школ. Однако вероятнее всего основной причиной послужило отсутствие преподавателей. К такому предположению приводит совпадение ряда событий, непосредственно предшествовавших открытию повивальных школ. В августе 1756 г. в Петербурге успешно сдает экзамен на право врачебной практики и, оставшись без должности в связи с отсутствием вакансии, уезжает в Пернов европейски образованный врач, учившийся в Страсбургском и Йенском университетах, доктор медицины, специалист в области акушерства. В самом начале января 1757 г. в Петербурге также успешно сдает экзамен и, не получив государственной службы, уезжает в Ревель другой не менее подготовленный в области акушерства врач, окончивший Геттингенский университет, а затем специализировавшийся в повивальном деле в Страсбурге и Берлине. Спустя несколько месяцев, в марте 1757 г., оба врача получают официальное предложение П. З. Кондоиди занять профессорские должности в повивальных школах. Первым из названных докторов был будущий профессор анатомии и хирургии Московского университета и профессор Повивальной школы в Москве И. Ф. Эразмус; вторым — будущий член Медицинской коллегии и профессор Повивальной школы в Петербурге А. Линдемман. Именно с их деятельностью и связано начало функционирования в России первых учебных акушерских заведений [21].

В повивальных школах проходили подготовку только женщины — уже названные выше присяжные повивальные бабки и их ученицы. Основу обучения составлял теоретический курс повивального искусства. Клиническая база в этих школах отсутствовала. И. Ф. Эразмус, например, вел преподавание у себя дома. Практические навыки слушательницы приобретали уже в ходе своей практики или, в лучшем случае, помогая профессору или состоявшему при нем оператору в ходе их пови-

вальной практики — профессор повивальной школы одновременно являлся и городским акушером.

Обучение продвигалось медленно и, по-видимому, было малоэффективным. За 20 лет своей деятельности в качестве профессора повивальной школы И. Ф. Эразмус смог подготовить только 35 учениц. Женщины не знали не только необходимых основ анатомии, физиологии, хирургии, но даже грамоты. И. Ф. Эразмус был вынужден постоянно упрощать свой курс. Об этом свидетельствует сопоставление учебников, использовавшихся им в качестве основы преподавания. Безнадежно устаревший учебник И. Горна "Повивальная бабка, или достоверное наставление через вопросы и ответы...", впервые вышедший в свет в 1696 г., и, очевидно, наиболее простой по содержанию был рекомендован в 1764 г. Медицинской коллегией [13, 14]. Видимо, по итогам первых лет работы повивальных школ руководство Медицинской канцелярии (с 1763 г. — Медицинской коллегии) пришло к окончательному выводу: несмотря на содержавшееся в Указе 1754 г. требование к повивальным бабкам присутствовать при "ненатуральных" родах и обучаться в том числе методам оказания собственно акушерской помощи, повивальные бабки не могут освоить не только повивальной науки, но и современного объема сведений по повивальному искусству.

В результате в 1763 г. к И. Ф. Эразмусу и А. Линдеману по распоряжению Медицинской канцелярии направляются по 6 подлекарей из московского и петербургских генеральных госпиталей для "слушания лекционов и обучения акушерским операциям", т. е., другими словами, для изучения повивальной науки. Основой читавшегося для них теоретического курса служил лучший в то время в Европе учебник по акушерству И. Г. Редерера [13]. Таким образом, с 1763 г. в России начинается подготовка как повивальных бабок, так и акушеров.

Следующий этап развития отечественного родовспоможения связан с деятельностью Н. М. Максимовича-Амбодика в Петербурге и В. М. Рихтера в Москве. Н. М. Максимович-Амбодик много сделал для подготовки отечественных кадров акушеров и повивальных бабок. После отставки в 1781 г. А. Линдемана он вел преподавание и в Петербургской повивальной школе и сразу в двух петербургских генеральных госпиталях. В 1784 г. он стал также преподавателем и врачом первого в России Повивального института, в структуру которого, помимо повивальной школы, входил и родильный госпиталь. В 1784—1786 гг. он выпускает в свет значительный по объему учебник "Искусство повивания, или наука о бабичьем деле", содержащий подробный разбор всех вопросов, касающихся как повивального искусства, так и повивальной науки, и включавший все последние достижения европейской мысли. Н. М. Максимович-Амбодик работал настолько самоотверженно, что проблема преподавания акушерства в петербургских генеральных госпиталях, видимо, просто перестала волновать руководителей Медицинской коллегии. Во всяком случае, только после его отставки в 1786 г., последовавшей в результате высочайшего повеления с тем, чтобы он мог полностью переключиться на педагогическую и лечебную работу в Повивальном институте, причем с сохранением прежнего жалованья, выяснилось, что в новые утвержденные в 1786 г. штаты медико-хирургических училищ забыли внести должность профессора акушерства. В результате Медицинская коллегия была вынуждена 31 марта 1878 г. обратиться к императрице со специальным докладом о внесении изменений в высочайше утвержденные штаты [21].

С деятельностью В. М. Рихтера связана организация Повивального института в Москве и начало преподавания акушерства как отдельной дисциплины на медицинском факультете Московского университета.

В Московском университете до В. М. Рихтера акушерство как самостоятельный предмет преподавания не читалось. Правда, в ряде историко-медицинских публикаций указывается, что обучение студентов Московского университета повивальному искусству началось с первых лет работы медицинского факультета еще в 60-х годах XVIII века профессором анатомии, хирургии и повивального искусства И. Ф. Эразмусом [3]. В качестве основного доказательства такой точки зрения приводятся расписания читавшихся И. Ф. Эразмусом в Московском университете лекций, где указывалась его должность — "Анатомии, Хирургии и Повивального искусства Профессор" [16]. Еще одним косвенным доказательством служит цитируемый Я. Чистовичем текст письма И. Ф. Эразмуса к президенту Медицинской коллегии А. И. Черкасову, в котором сообщалось о данном им согласии занять в Московском университете должность "профессора анатомии, хирургии и бабичьего искусства". В ответном письме А. И. Черкасова куратору Московского университета В. Е. Адодурову И. Ф. Эразмус также фигурирует как профессор анатомии, хирургии и повивального искусства [21]. Однако сохранившиеся архивные

документы, которые почему-то выпали из поля зрения исследователей, свидетельствуют о том, что И. Ф. Эразмус только называл себя профессором повивального искусства Московского университета. Так, согласно "Рапортом о успехах, понятии, прилежании и поступках обучающихся в Университете учеников и студентов", направлявшимся в кабинет императрицы с 1764 по 1768 г. (т. е. в то время, когда И. Ф. Эразмус работал в Московском университете), он читал в 1765/66 учебном году литературную медицинскую историю и анатомию, в 1766/67 году — анатомию и хирургию, в 1767/68 году — только хирургию [15].

Нам хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. В упоминавшейся выше переписке о разрешении И. Ф. Эразмусу совмещать две профессорских должности во всех известных письмах, исходивших от руководителей Московского университета, И. Ф. Эразмус называется профессором анатомии и хирургии [21].

Правда, нельзя исключить, что И. Ф. Эразмус действительно планировал прочитать курс акушерства после изучения студентами анатомии и теоретических основ хирургии, но впоследствии изменил свое решение. В 1767/68 учебном году на медицинском факультете оставался только 1 студент, и в таких условиях опытный профессор мог шесть нецелесообразным начинать преподавание новой дисциплины. В 1768/69 учебном году преподавание на медицинском факультете скорее всего не велось вообще в связи с отсутствием студентов, а в начале 1768 г. И. Ф. Эразмус оставил Московский университет [17]. Советские исследователи справедливо отмечают, что И. Ф. Эразмус внес значительный вклад в подготовку кадров отечественных акушеров, явился автором первого в России руководства по повивальному искусству ("Наставление, как женщинам в беременности, в родах и после родов себя содержать надлежит", 1762), первым в России (1765) наложил акушерские щипцы [3, 4, 10], но, почему эти сведения излагаются в контексте истории преподавания акушерства на медицинском факультете Московского университета, не вполне понятно.

Также не вполне понятно, на основании чего П. Н. Добровров пришел к заключению о том, что сменивший И. Ф. Эразмуса в 1768/69 учебном году С. Г. Зыбелин "не читал лекций по повивальному искусству и педиатрии, а излагал их вместе с хирургией" [1]. Использувавшийся С. Г. Зыбелиным в качестве основы для преподавания хирургии учебник Х. Г. Людвига каких-либо сведений по повивальному искусству или акушерству не содержит [23]. Даже косвенных документальных свидетельств, подтверждавших бы подобную точку зрения, нам обнаружить не удалось.

По-видимому, реально вопрос о преподавании акушерства на медицинском факультете Московского университета впервые начал решать Ф. Ф. Керестури, ставший преподавателем анатомии и хирургии в 1775 г. Во всяком случае у нас есть все основания считать его инициатором введения преподавания этой дисциплины. Интерес Ф. Ф. Керестури к акушерству мог быть результатом его совместной работы с И. Ф. Эразмусом, под руководством которого он исполнял обязанности прозектора Московского университета [17]. В 1778 г. Ф. Ф. Керестури, получив звание экстраординарного профессора и вместе с ним определенную самостоятельность, прямо объявил в расписаниях своих лекций на следующий академический год, что "в обыкновенные дни от 2 до 3 часов после обеда, в летнее время будет изъяснять Редереровы наставления Повивального искусства..." [16].

Однако воплотить в жизнь этот замысел и организовать систематическое преподавание акушерства как отдельной дисциплины ему не удалось. В расписаниях его лекций за последующие годы, которые удалось собрать практически полностью, о преподавании акушерства более не упоминается. Возможно, Ф. Ф. Керестури был вынужден отказаться от самостоятельной реализации этой идеи в связи с тем, что ему не хватало времени даже на чтение анатомии и хирургии [9].

Однако в 1786 г. за границу для стажировки, защиты докторской диссертации и подготовки к профессуре от Московского университета направляется окончивший с отличием медицинский факультет В. М. Рихтер. Основной задачей, которая была перед ним поставлена, как следует из его формулярного списка, было "усовершенствование во врачебной науке вообще и родовспомогательном искусстве в особенности, с целью приготовить себя к кафедре Акушерства в Московском университете" [2].

Конечно, такое решение принималось на уровне не ниже куратора университета и не без активного участия Университетской конференции. Кто, как не профессор анатомии и хирургии, должен был выступить с таким предложением, убедить профессоров и руководителей университета в его целесообразности и подобрать необходимую кандидатуру. Учитывая стремление Ф. Ф. Керестури самому ввести преподавание аку-

шерства, мы считаем именно его инициатором решения этого вопроса.

Дальнейшие события показали, что Ф. Ф. Керестури не ошибся ни в принципиальном решении о необходимости преподавания в России университетского курса акушерства, ни в выборе кандидатуры для его реализации. В. М. Рихтер не только оправдал оказанное ему доверие, но и как университетский профессор по всем статьям превзошел своих московских учителей [18]. Мы не будем здесь подробно останавливаться на биографических данных и послужном списке В. М. Рихтера. Они хорошо известны и приводятся во всех без исключения работах, посвященных истории медицинского факультета Московского университета и истории отечественного акушерства. Остановимся лишь на тех вопросах, которые с нашей точки зрения наиболее принципиальны.

В. М. Рихтер за 4 года своей заграничной командировки прошел хорошую как теоретическую, так и практическую (в Берлинском и Геттингенском повивальных институтах) подготовку по акушерству и в полной мере соответствовал должности профессора повивального искусства, которую он занял в Московском университете в 1790 г.

В. М. Рихтер очень четко проводил грань между повивальным искусством и повивальной наукой, между программой подготовки повивальных бабок и врачей-акушеров. "Повивальная бабка без явного причинения вреда человечеству не может заниматься предметами, до акушерства касающимися, — писал В. М. Рихтер в 1801 г., — и что с другой стороны самому акушеру перед началом практического упражнения в своем искусстве надлежит непременно прежде усовершенствовать себя в Повивальном искусстве, поскольку ему должно прежде приобрести познание и навыки в естественных родах, дабы уже потом мог он правильно судить о сверхъестественных и оказывать нужную в оных помощь" [11].

Именно этим мнением в отношении того, что должен изучать врач-акушер, он руководствовался при чтении своего курса на медицинском факультете Московского университета: "... преподавать будет начальные основания повивального искусства по руководству Редереру, а по окончании теоретической его части, в которой преподается о родах натуральных, покажет, каким образом надлежит делать операции как руками, так и помощью инструментов в родах трудных и ненатуральных, и постарается о том, дабы слушатели его и сами оные операции также делали над куклою, или машиною, называемую Французами Фантом" [16]. Учебник И. Г. Редерера и в конце XVIII столетия оставался одним из лучших учебных пособий по акушерству в Европе. Однако повивальному искусству в нем уделялось все же меньше внимания, нежели повивальной науке [24]. В 1801 г. В. М. Рихтер издает свое "Руководство к повивальному искусству, основанное на новейших опытах, для публичных лекций...". Хотя оно предназначалось главным образом для обучения повивальных бабок в Повивальном институте при Московском воспитательном доме, В. М. Рихтер представил его на утверждение Университетской конференции с тем, чтобы на его основе читать часть своего курса [11].

Таким образом, можно говорить о том, что курс акушерства, читавшийся В. М. Рихтером в Московском университете, состоял из двух самостоятельных, но тесно связанных между собой разделов — повивального искусства (с 1801 г. — по собственному учебнику) и акушерства, или повивальной науки (по учебнику И. Г. Редерера). Возможно, что и до 1801 г. В. М. Рихтер читал для студентов Московского университета повивальное искусство несколько шире, чем это позволял учебник И. Г. Редерера. М. Я. Мудров, учившийся на медицинском факультете во второй половине 90-х годов, в письме попечителю Московского университета М. Н. Муравьеву с восторгом отзывался о лекционном курсе В. М. Рихтера: "Акушерские его лекции приводили слушателей в восхищение. Он сам делал и показывал нам, как делать маневры с куклою над куклою..." [9]. Вероятнее всего, этот курс был самым современным и наиболее четко организованным из всех читавшихся на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке.

Однако вернемся к письму М. Я. Мудрова, написанному им в Париже в 1805 г. в ответ на запрос М. Н. Муравьева "об улучшении состояния университета". "Но ни один из нас, — писал далее С. Я. Мудров, — не сделал ни одного абортa с настоящим (мертвым) младенцем над женским трупом: ни один не имел понятия, как должно тушировать, что есть первейшая вещь: ибо не было женщин. Ни один не акушировал ни натуральных, ни искусственных родов, или лучше не видал, как бывают роды: ибо не было родильниц" [9].

Не В. М. Рихтер был виноват в таком положении дел. В силу еще существовавшей прежней университетской традиции медицинского образования любая практическая подготовка, тем более специальная, относилась к послуниверситетскому

образованию. В конце XVIII века университетских клиник, в том числе и акушерских, не было еще и в большинстве европейских университетов.

Вместе с тем необходимо отметить, что в вопросе введения практического преподавания акушерства позиция В. М. Рихтера была гораздо ближе взглядам М. Я. Мудрова. В начале 1800 г. В. М. Рихтер представил президенту Медицинской коллегии барону А. И. Васильеву подробный проект "Практического Акушерского института в Москве" для преподавания "как медицинским студентам, так и повивальным бабкам". Проект для своего времени совершенно революционный, так как существовавшие повивальные институты готовили только повивальных бабок [21]. Каких "медицинских студентов" имел в виду В. М. Рихтер, сказать сейчас трудно. Проект не сохранился. Однако нельзя исключить, что "Акушерский институт" мог замышляться В. М. Рихтером в том числе и для практической подготовки студентов медицинского факультета. Тогда проект В. М. Рихтера принят не был в силу целого ряда соображений, главным из которых являлось "предосудительное сближение полов". Год спустя он был переделан в традиционный проект повивального института, который был открыт под управлением В. М. Рихтера в 1801 г. при Московском воспитательном доме, а введение клинического преподавания акушерства в Московском университете произошло уже в XIX веке после принятия Университетского устава 1804 г., коренным образом изменившего целевые установки университетского медицинского образования.

Тем не менее введение преподавания даже теоретического курса акушерства в Московском университете имело огромное значение. Впервые в России была начата подготовка по акушерству лиц, получавших высшее медицинское образование. Результаты не заставили себя долго ждать. Уже в первой четверти XIX века ученики В. М. Рихтера смогли не только продолжить дело своего учителя, возглавив после его смерти кафедру акушерства Московского университета, но и занять соответствующие кафедры в других учебных медицинских заведениях страны, в том числе и в Московской (Д. И. Левитский) медико-хирургической академии [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акушерство; Акушерские щипцы // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1897. — Т. 1.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 2. — С. 351—358.
3. *Доброураов П. Н.* // Очерки по истории 1-го Моск. орден-на Ленина мед. ин.-та им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 552—577.
4. *Марков Р. Р.* // Многотомное руководство по акушерству и гинекологии / Под ред. Л. С. Персиянинова. — М., 1961. — Т. 1. — С. 5—138.
5. *Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К.* История медицины. — М., 1925.
6. *Мень Л.* История медицины. — М.; Л., 1926.
7. *Меркулов В. А.* Альбрехт Галлер. — Л., 1981.
8. *Мороховец Л.* История и соотношение медицинских знаний. — М., 1903.
9. *Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву* // Чтения в обществе истории и древностей российских. — СПб., 1861. — Кн. 3.
10. *Побединский Н. И., Степанов Л. Г.* // 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 251—269.
11. *Рихтер В. М.* Руководство к повивальному искусству, основанное на новейших опытах, для публичных лекций, преподаваемых в Повивальном Институте при Императорском Московском Воспитательном Доме учрежденном. — М., 1801.
12. *Рихтер В. М.* Слово о первоначальном происхождении, постепенном приведении в совершенство и отменной пользе Повивального искусства. — М., 1801.
13. *Рихтер В. М.* История медицины в России. — М., 1820. — Ч. 3.
14. *Рихтер В. М.* // Медико-физ. журн. — 1821. — Ч. 2. — С. 128—144.
15. *Рождественский С. В.* Очерки по истории системы просвещения в России XVIII—XIX веков. — СПб., 1912.
16. *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* // Истор. вестн. Моск. мед. акад. им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4. — С. 83—158.
17. *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* // Там же. — 1996. — Т. 5. — С. 126—172.

18. *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* // Пробл. соц. гиг. и история мед. — 1996. — № 2.
19. *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* // Хирургия. — 1996. — № 3.
20. *Толстой Д. А.* // Сборник отд-ния рус. языка и словесности Имп. Акад. наук. — 1886. — Т. 38. — С. 38—94.
21. *Чистович Я.* История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883.
22. *Biographisches Lexikon der hervorragenden Arzte aller Zeiten und Volker.* — Berlin; Wien, 1929—1934.
23. *Ludwig Ch. G.* Institutiones Chirurgiae. — Lipsiae, 1764.
24. *Roederer I. G.* Elementa Artis Obstetriciae. — Gottingae, 1753.

Поступила 26.01.96